

Чай Цзя, как хозяин, активно развлекал гостей за столом, держа в одной руке кувшин с вином, а в другой — чашку. Схватив Ло Мина, он настаивал на том, чтобы тот выпил три чаши подряд, а затем обратился к Янь Чэньюю, угрожая, что не заплатит оставшуюся часть гонорара, если тот откажется.

Янь Баньюэ, услышав это, воскликнул:

— Ну, господин Чай, вы точно нашли его слабое место. Даже тридцать чаш мой серебролюбивый младший брат выпьет без колебаний.

Янь Чэньюй, который не отличался крепким здоровьем и плохо переносил алкоголь, поспешил перевести стрелки:

— Старший брат, как вы можете помогать другим издеваться надо мной? Господин Чай, ведь это старший брат вылечил господина Се Иня, и заслуга в этом прежде всего его. Вам следует выпить, ну, хотя бы девять чаш!

Банься тоже присоединился:

— Хозяин, господин Чай угрожает вашему доходу, а не нашему учителю. Лучше поскорее выпейте.

С этими словами он наполнил чашу Янь Чэньюя до краев.

Шум и веселье продолжались, и даже Янь Ланцин с улыбкой заметил:

— В молодости Чай Цзя был известен как дерзкий и самоуверенный человек, но кто бы мог подумать, что спустя годы он станет таким добродушным благодетелем, способным веселиться с молодежью.

Ло Мин, молча сидевший рядом, начал выбирать для него острые блюда:

— В молодости он был влюблен в мать Се Иня, но, не добившись взаимности, сильно изменился и в итоге раскрыл в себе талант к коммерции.

Янь Ланцин кивнул, но, повернувшись, заметил Се Иня, который сидел в одиночестве, размахивая веером и наблюдая за тем, как Чай Цзя и Янь Баньюэ веселятся. На его губах играла легкая улыбка.

— Почему бы тебе не поговорить с твоим учеником? Ведь его жизнь теперь вне опасности, и твои многолетние усилия не пропали даром.

Ло Мин отложил палочки и потянулся, глядя на Янь Ланцина:

— Раз с ним все в порядке, я наконец могу отпустить то, что долгие годы тревожило меня. Теперь ему предстоит принять свои решения, и я буду ждать, когда он обратится ко мне. Если я смогу что-то сделать для своего ученика, я, конечно, пойду ради него в огонь и воду. Но сначала мне нужно получить твое разрешение.

Янь Ланцин поднял палочки и продолжил есть:

— Мое разрешение? В этом нет необходимости. Мой ученик, глава школы, наверняка скоро не выдержит и придет ко мне с вопросами. Если он разозлится и захочет вернуться в Долину Гибели, мне придется подчиниться.

— Тогда я пойду с тобой, — с детской обидой в голосе и хитро улыбнувшись, сказал Ло Мин. — Иначе я заставлю своего ученика увести твоего.

Янь Ланцин бросил на него сердитый взгляд, но сам не смог сдержать улыбки.

Тем временем Се Инь, наблюдая за этой компанией, чувствовал невероятное спокойствие. Все эти люди собрались здесь из-за его жизни и смерти. Некоторые ради него трудились более двадцати лет, другие, не видевшие его годами, теперь готовы были пойти ради него на всё. Раньше он никогда не осознавал, насколько огромной силой и смыслом может быть жизнь.

Когда пир подошел к концу, Янь Чэньюй уже был в полном смятении, едва стоя на ногах. Се Инь попросил Чаофэна отвести его в комнату, чтобы тот отдохнул. Чай Цзя тоже был пьян, его лицо покраснело, а взгляд стал мутным. Он крепко сжимал руку Се Иня, но не мог вымолвить ни слова, и казалось, что вот-вот заплачет.

Ло Мин собирался сопроводить Янь Ланцина, но Се Инь остановил его:

— Учитель, — с большим трудом успокоив Чай Цзя, он подозвал Банься, чтобы тот присмотрел за ним, — мне нужно кое-что обсудить с вами.

Не дожидаясь ответа Ло Мина, Янь Ланцин сказал:

— Обсуждение с господином Се Инем важнее. Пятнадцатый, проводи меня.

Янь Баньюэ, который ждал подходящего момента, внезапно услышав свое имя, поспешил подойти. Видимо, учитель все понял. Он быстро обменялся взглядом с Се Инем и направился с Янь Ланцином в сад Чуньюань.

Ло Мин, как в детстве Се Иня, слегка сжал его затылок:

— Эх, ты, парень...

Се Инь сделал вид, что ничего не понимает, и с улыбкой помахал веером перед учителем.

— Малый Пятнадцатый, твое врачебное искусство значительно улучшилось, — сказал Янь Ланцин, усаживаясь на каменную скамью в саду Чуньюань.

— Не осрамил школу, — ответил Янь Баньюэ, тоже садясь на каменную скамейку.

Ранним летним вечером в воздухе раздавалось тихое стрекотание насекомых, а легкий ветерок создавал приятную атмосферу.

— Как дела в долине? Как поживает дядюшка Ван? — Янь Баньюэ размышлял, как подойти к главной теме.

— Все как обычно, только дядюшка Ван уже в годах. Когда все эти дела закончатся, мы все вернемся, чтобы провести время с ним.

— Хм...

Наступила тишина, только насекомые продолжали стрекотать.

— Учитель... — Янь Баньюэ не знал, с чего начать.

— Что хочешь спросить? — Янь Ланцин сорвал травинку и начал вертеть ее в руках.

— Ваши виски...

— А, это, — Янь Ланцин провел рукой по седым прядям, спускавшимся на виски. — Возможно, мне осталось недолго.

Эти слова словно громом поразили Янь Баньюэ. Он долго не мог прийти в себя, а затем инстинктивно схватил руку Янь Ланцина. На этот раз тот не сопротивлялся, позволив ученику проверить свой пульс.

— Я ведь твой учитель, я сам знаю, что происходит с моим телом, — сказал Янь Ланцин спокойно, словно говорил о чужой жизни.

— Как так... Что случилось? — Проверив пульс, Янь Баньюэ немного успокоился. Пусть пульс Янь Ланцина был неровным, но его сердце защищал поток истинной ци, и в ближайшее время ничего серьезного не должно было случиться. Однако циркуляция ци в его меридианах была нарушена, и если ее не восстановить, собственная ци могла привести к фатальным последствиям.

— Это долгая история. Мое состояние сейчас похоже на то, как если бы я потерял контроль в практике и мои меридианы запутались. Если я откажусь от своих боевых навыков, то смогу сохранить жизнь. Я думал, что, уединившись на несколько лет, найду способ исправить это, но человек не может идти против судьбы...

— Вы хотите сказать, что еще до вашего уединения все было так? Мы ничего не заметили... — Янь Баньюэ пытался вспомнить, как учитель вернулся из долины, но никаких странностей не припоминал.

— Как вы могли это заметить, — Янь Ланцин похлопал Янь Баньюэ по плечу. — Если бы не то, что Ло Мин ворвался в долину, чтобы спасти своего ученика, я бы, возможно, уже отказался от своих навыков и жил бы в долине, как дядюшка Ван, занимаясь сельским хозяйством.

Янь Баньюэ наконец успокоился. Если учитель останется в безопасности, то потеря боевых навыков — не такая уж большая беда.

— Что, разве ты не хотел спросить о Ло Мине? — поддразнил Янь Ланцин.

— Э... Ну, не то чтобы... Просто Ло Мин... Он... Учитель... — Янь Баньюэ смотрел в землю, запинаясь.

— Наверное, да, — Янь Ланцин быстро признал.

— ... — Янь Баньюэ не знал, что спросить дальше. Если учитель действительно должен отказаться от своих навыков, чтобы сохранить жизнь, то с таким мастером, как Ло Мин, который будет рядом, даже если они не будут жить в Долине Гибели, все должно быть в порядке.

— Это долгая история, я расскажу тебе позже, так что не беспокойся, — Янь Ланцин потрепал Янь Баньюэ по голове.

Янь Баньюэ опустил голову и долго молчал, прежде чем сказать:

— Учитель, если я захочу поговорить с Ло Мином, вы будете против?

— О чем со мной говорить? — Ло Мин, появившийся в саду, задал вопрос, находясь в нескольких шагах от них.

Янь Баньюэ тут же встал:

— Когда вы пришли, Ло Мин?

— Только что, — с улыбкой подошел Ло Мин, подняв Янь Ланцина с каменной скамьи. — Что ты здесь сидишь? На камне холодно.

Янь Ланцин шлепнул Ло Мина по руке:

— Если ты хочешь поговорить с Ло Мином, я не буду слушать. Закончите поскорее и идите отдыхать, не простудитесь после выпивки.

С этими словами он ткнул пальцем в покрасневшую от алкоголя щеку Янь Баньюэ.

Янь Баньюэ с детства не любил, когда учитель тыкал ему в щеку, считая, что это делают только с детьми. Но на этот раз он даже не попытался уклониться, думая о том, как Ло Мин вел себя с учителем. Его сердце сжалось, и, проводив учителя взглядом, он обернулся, чтобы с гневом посмотреть на Ло Мина.

Ло Мин же выглядел совершенно спокойно. Он сел на скамейку, где только что сидел Янь Ланцин, и похлопал по месту рядом:

— Малый Пятнадцатый, не стой, что ты хотел сказать?

— Вы знаете, что мой учитель получил внутреннюю травму?

— Хм, — Ло Мин убрал улыбку, и на его лице появилась легкая тень тревоги, что делало его лицо еще более загадочно привлекательным.

— Его травма связана с вами? — Рука Янь Баньюэ опустилась, и в ней незаметно оказались три золотые иглы.

— Хм, — Ло Мин, казалось, ничего не замечал.

— Когда это случилось? — Голос Янь Баньюэ становился все холоднее.

[Пусто]

<http://bllate.org/book/16185/1452102>